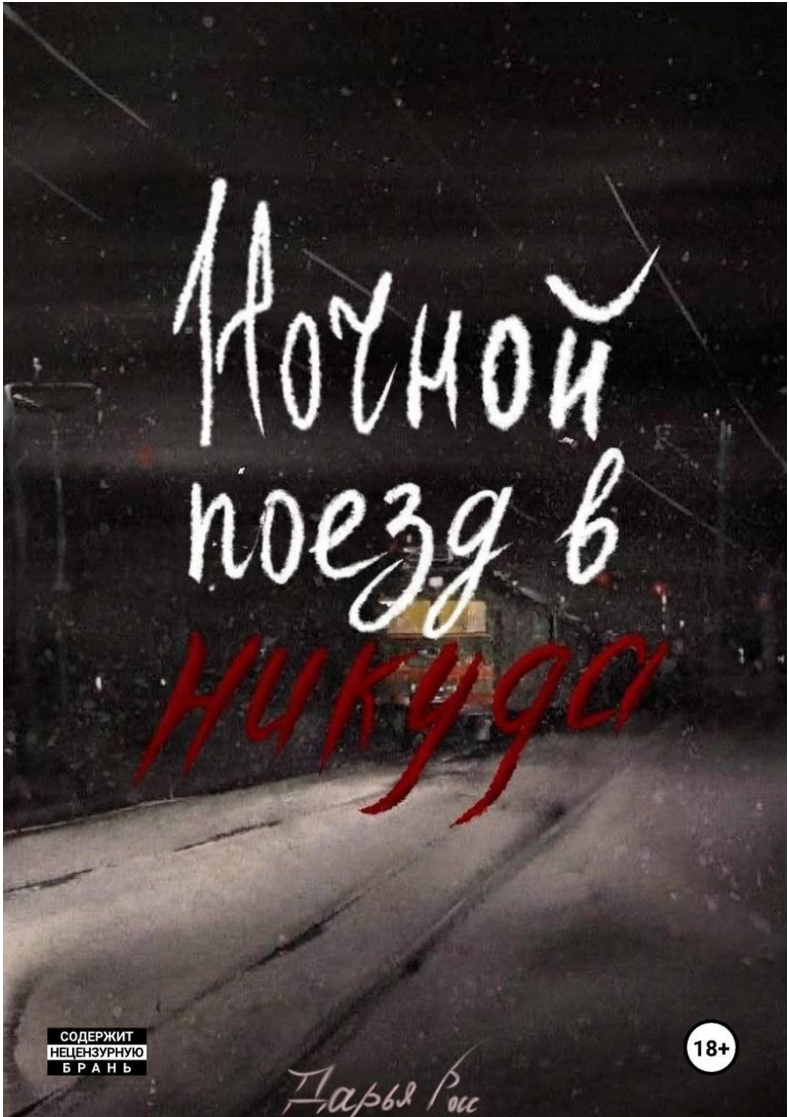

Ночной поезд в никуда
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Дарья Росс

Дарья Росс
Ночной поезд в никуда

https://litres.ru/74859042
SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной экспресс застревает в снежном заносе на глухом перегоне «Мёртвая падь». В девятом вагоне всего семь человек и среди них нет ни одного случайного пассажира.

Судебный психиатр Кай Вэнс этапирует в закрытую клинику опасного серийного убийцу в пластиковом намордник, который утверждает, что слышит ложь и страх в голосах людей сквозь стены. Но когда с потолка коридора начинает капать свежая кровь, а из вентиляционной шахты выпадает тело с вырезанным сердцем и тикающими часами внутри, становится ясно: охота уже началась.

Двери вагона заперты на три оборота. Связи нет. До рассвета восемь часов. Каждый из попутчиков связан с трагедией в заброшенном психоневрологическом интернате «Тихая Заводь», но настоящий кукловод сидит гораздо ближе, чем кажется. И когда поезд сам тронется с места в полночь, выжившие поймут, что страшнее маньяка в наморднике только правда о том, кто на самом деле держит ключ от клетки.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 31
Глава 4 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ночной поезд в никуда

Глава 1

14 ноября, 21:54. Платформа 4, вагон СВ 09.

Ветер на перроне был холодным царапал кожу не щадя ничего на своем пути. Сухая снежная крупа летела низом, как дробь, била по фонарям, по спинам провожающих, по стеклам вагонов, и в воздухе стоял тот особый запах поздней осени, переходящей в зиму: креозот, мокрый уголь и металлическое предчувствие метели, от которого ныли суставы.

Кай Вэнс стоял у края платформы, руки в карманах темного шерстяного пальто. Он смотрел на запотевшие окна девятого вагона — тусклый желтый свет в коридоре, обшарпанные тамбуры, — и думал, что этот ночной экспресс меньше всего похож на поезд. Скорее на гроб на колесах, если погода окончательно сойдет с ума.

— Доктор Вэнс?

Голос сбоку, с легкой хрипотцой. Кай повернул голову. Проводник — мужчина лет пятидесяти, лицо осунувшееся, землистое, седые виски зачесаны назад слишком аккуратно, словно он пытался придать себе вид человека, у которого все

под контролем. В руках планшет с бланками, но костяшки пальцев побелели так, будто он держался за край обрыва.

— Я, — коротко бросил Кай, не вынимая рук из карманов. — Ваш список пассажиров. Вы сказали, вагон выкуплен не полностью, но мест почти нет.

— Все верно. — Проводник напрягся, кадык дернулся под жестким воротником рубашки и подняв руку по правил пытаясь ослабить ткань. — Семь человек, считая вас и… вашего подопечного. Остальные купе пустуют — из-за штормового предупреждения половина рейсов отменена. Меня зовут Артур. Прошу, поднимайтесь, через шесть минут отправление. Начальство распорядилось выделить вам третье купе. Замок там усиленный, как вы и запрашивали.

Кай прищурился. Профессиональная привычка: в мешках под глазами проводника читалась не просто усталость, а застарелая, липкая бессонница. И еще кое-что — на правом запястье мужчины, чуть выглядывая из-под манжета синего кителя, темнел свежий, грубо затянутый шрам, похожий на ожог от раскаленной проволоки.

— Благодарю, Артур. — Кай кивнул в сторону тени у массивной чугунной колонны. — Ведите.

Из полумрака шагнули двое конвоиров, ведя между собой человека в бесформенной серой парке. Даже сквозь плотную ткань было видно, насколько он худ — острые лопатки перекатывались под одеждой при каждом движении. На запястьях и щиколотках глухо звякнули стальные звенья канда-

лов. Лицо узника скрывала жесткая пластиковая маска-намордник с мелкими вентиляционными отверстиями, оставлявшая открытыми только глаза.

Глаза были светлыми, почти бесцветными, как осколки речного льда. Когда конвоиры подтолкнули его к ступеням вагона, заключенный на секунду остановился. Он не посмотрел на Кая. Его взгляд впился прямо в лицо проводника, а затем медленно спустился к его горлу.

Из-под пластика донесся тихий, шипящий вдох — словно человек принюхивался к прогорклому маслу.

Артур дернулся, отступая на полшага, и чуть не выронил планшет.

— Шевелись, падаль, — сквозь зубы процедил старший конвоир, грубо толкая узника в плечо. — Не задерживай.

Они поднялись в тамбур, где пахло дешевым табаком и хлоркой. Узкий коридор вагона встречал глухим, вязким полумраком. Красная ковровая дорожка давно вытерлась до серого основания, медные поручни вдоль окон тускло поблескивали, храня на себе отпечатки десятков чужих пальцев.

Пока конвоиры заталкивали заключенного в третье купе и возились с тяжелыми наручниками, пристегивая их к стальной скобе под нижней полкой, Кай остался в коридоре. Он прислонился плечом к деревянной переборке и наблюдал, как мимо проходят остальные попутчики, расходясь по своим отсекам.

В первое купе скрылась высокая женщина в безупречно

скроенном кашемировом пальто цвета запекшейся крови. Она двигалась плавно, с той холодной, отточенной грацией, какая бывает у людей, привыкших распоряжаться чужими жизнями. На безымянном пальце, когда она поправляла прядь темных волос, блеснуло массивное кольцо с черным камнем — но Кай заметил, что кожи под ним касалась тонкая, почти незаметная полоска пластыря. Словно украшение было ей велико, или она пыталась скрыть свежее покраснение.

Во второе купе протиснулся грузный мужчина с одышкой и дорогой кожаной сумкой, от которого за версту несло сладковатым парфюмом и перегаром. Проходя мимо Кая, он даже не поднял головы, лишь раздраженно фыркнул, утирая взмокший лоб шелковым платком, на котором темнело крошечное, размером с булавочную головку, бурое пятнышко.

Четвертое купе заняла молодая девушка с огромным рюкзаком и наушниками на шее. Она выглядела напуганной, словно загнанный зверек, и то и дело оглядывалась на дверь пятого купе, откуда уже доносился чей-то нервный, срывающийся шепот. Там ехали двое — мужчина и женщина, судя по обрывкам фраз, они уже успели поссориться еще до того, как поезд тронулся.

— Все готово, доктор Вэнс. — Старший конвоир вышел из третьего купе, вытирая ладони о штаны, будто испачкался в чем-то липком. — Пристегнули намертво. Ключи от кандалов и от замка двери — у вас, как по инструкции. Через во-

семь часов в Озерном вас встретит спецгруппа. Не снимайте с него намордник, даже чтобы воды дать. Он себе язык откусит и захлебнется, лишь бы вас заляпать.

— Я читал его дело, сержант, — сухо ответил Кай, принимая связку холодных ключей. — Можете идти.

Конвоиры ушли, громко хлопнув тяжелой дверью тамбура. Поезд дернулся. Старые сцепки жалобно заскрежетали, вагоны качнулись, и за черными окнами медленно поплыли тусклые огни уходящего перрона, тут же утонувшие в густой снежной круговерти.

Ровно в 22:00 экспресс нырнул в темноту.

Кай повернул ключ в замке третьего купе, вошел внутрь и плотно прикрыл за собой дверь, отсекая глухой стук колес и приглушенные голоса из коридора. Внутри горел только тусклый синий ночник. Заключенный сидел на нижней полке, привалившись спиной к обитой дерматином стене. Стальная цепь тянулась от его левого запястья к металлической проушине в полу, не позволяя даже дотянуться до столика.

Кай сел напротив, расстегнул пальто и положил на стол тонкую картонную папку с грифом «Совершенно секретно». Он не стал сразу начинать разговор. Психиатр знал: тишина давит на людей сильнее любого допроса, выворачивая наружу то, что они пытаются спрятать за словами.

Прошла минута. Вторая. Поезд набирал ход, ритмично постукивая на стыках, а за стеклом уже вовсю бесновалась

метель, швыряя в окно горсти ледяной крошки. Заключенный медленно повернул голову. Пластиковая решетка на его лице блеснула в синем свете.

— Вы пахнете старой бумагой, доктор, — голос из-под маски прозвучал глухо, с легким, неприятным призвуком трения пластика о кожу, но интонации были спокойными, почти бархатными. — И еще… разочарованием. Вы не хотели брать этот заказ. Вас заставили.

— Моя биография не тема нашей беседы, Элиас, — ровно произнес Кай, не сводя глаз с его зрачков. — Мне нужно лишь доставить тебя в клинику в целости.

Элиас тихо рассмеялся. Звук получился сухим, похожим на шорох сухих листьев по асфальту. Он слегка наклонил голову набок, прислушиваясь к чему-то за пределами купе.

— В целости… Какое смешное слово для этого вагона. — Его ледяные глаза вдруг расширились, впиваясь в лицо психиатра. — Вы ведь слышали их голоса на перроне, доктор? Проводника. Женщину в красном. Толстяка с платком.

Кай промолчал, лишь слегка подавшись вперед.

— Голос никогда не врет, — продолжал Элиас, и в его тоне впервые прорезалась хищная, вибрирующая нотка. — Страх… Вина… А предвкушение… о, у предвкушения совсем особый тембр. Оно звенит, как натянутая струна перед тем, как лопнуть.

Он дернул скованной рукой, и цепь глухо лязгнула о металл.

— Я не знаю, за что меня везут в эту вашу клетку, доктор. Но я точно знаю, что до шести утра этот поезд не доедет. И половина из тех, кто сейчас пьет чай в соседних купе, не доживет до рассвета. Потому что среди них сидит тот, кто уже начал свою работу. И он не остановится, пока не заберет все, за чем пришел.

За двенадцать лет работы в закрытых стационарах Кай наслушался пророчеств от психопатов всех мастей: одни видели червей под кожей санитаров, другие слышали голоса мертвых матерей в гуле вентиляции. Бредовая проекция — классический защитный механизм психики, загнанной в угол.

— Интересная теория, Элиас. — Кай достал из внутреннего кармана пиджака тонкий серебристый диктофон. Нажал на кнопку записи — крошечный красный огонек вспыхнул в синем полумраке, отразившись в пластике намордника. — Попытка переключить мое внимание с твоих собственных преступлений на вымышленную угрозу. Старый трюк. Девять жертв за два года, и у каждой — вырезанные голосовые связки. Ты не «читаешь» чужие грехи, Элиас. Ты просто затыкаешь людям рты, потому что не выносишь собственного внутреннего шума.

Заключенный медленно моргнул. Его зрачки, расширенные в темноте, сузились до булавочных уколов.

— Вы читали протоколы вскрытия, доктор. — Он подался вперед настолько, насколько позволяла натянувшаяся до

звона цепь. — Но вы не слушали записи с их автоответчиков. Вы не слышали, как они кричали за секунду до того, как лезвие касалось их горла. В их крике не было ужаса. Там было… облегчение.

— Патологическая рационализация. — Кай сделал короткую пометку в блокноте, даже не глядя на бумагу. — Продолжай. Кто же, по-твоему, этот мифический мясник в нашем вагоне?

Элиас усмехнулся — под маской дернулись уголки бледных губ, натягивая кожу на острых скулах.

— Послушайте сами, доктор. Выйдите в коридор. Предложите им чаю. Попросите кого-нибудь передать вам солонку или зажигалку. Обратите внимание на того, чей голос звучит слишком ровно. У обычных людей в такую метель голос всегда немного садится от холода и тревоги. У охотника — никогда.

В этот момент вагон резко тряхнуло.

Металл под полом взвыл от чудовищного трения. Колёса заскрежетали так пронзительно, словно поезд пытался вгрызться в рельсы зубами. Кай инстинктивно уперся ладонью в край столика, чтобы не слететь с полки. Диктофон покатился по гладкому пластику и упал на пол, глухо стукнувшись о ботинок Элиаса.

Свет в купе мигнул, погас на пару секунд, погрузив их в кромешную, удушливую темноту, а затем вспыхнул тусклым аварийным желтоватым свечением.

За окном больше не мелькали редкие огни полустанков и черные силуэты телеграфных столбов. Стекло мгновенно затянуло плотной, непроглядной белой пеленой. Ветер снаружи завыл на новой, высокой ноте, ударяя в обшивку вагона тяжелыми снежными зарядами. Поезд замедлял ход — не плавно, как перед станцией, а судорожно, рывками, пока с тяжелым, надрывным вздохом пневматических тормозов не замер окончательно.

Воцарилась тишина. Мертвая, ватная тишина, нарушаемая только завыванием бурана за стеной и тяжелым, сиплым дыханием за пластиковой решеткой.

Элиас медленно опустил взгляд на красный огонек диктофона, лежащего у его скованных ног.

— Двадцать два двадцать, — прошептал он, и в его голосе впервые зазвучало искреннее, леденящее душу удовольствие. — Снежный занос в глухом перегоне. Ни связи, ни подмоги. И восемь часов до рассвета, доктор.

Кай поднял диктофон, вытер его о полу пальто и убрал в карман. Его пульс оставался ровным, хотя где-то под ребрами неприятно кольнуло холодом. Совпадение. Обычная зимняя непогода на северной ветке.

— Сиди смирно, — коротко бросил он, поднимаясь. — Если дернешься — конвоиры оставили мне не только ключи, но и транквилизатор с дозировкой на крупного зверя.

Он вышел в коридор, плотно заперев за собой дверь купе на два оборота ключа, и сразу же наткнулся на проводника.

Артур стоял у открытого окна служебного отсека, судорожно тыкая пальцем в экран старенького смартфона. Синий свет дисплея подсвечивал его осунувшееся лицо, на котором блестели крупные капли пота, несмотря на ледяной сквозняк, тянущий из щелей.

— Сети нет, — выдохнул проводник, даже не оборачиваясь, словно говорил сам с собой. — Вообще ни одной палки. И рация в купе молчит — только белый шум, будто эфир кто-то глушит. Мы встали в Мертвой пади, доктор. До ближайшего разъезда сорок километров через тайгу. Туда снегоочиститель раньше утра не пробьется.

— Двери вагона заперты? — спросил Кай, подходя ближе. Его взгляд скользнул по открытой двери служебного купе, где на узком столике стоял недопитый стакан чая в подстаканнике, лежала раскрытая книга в потертой обложке, а рядом — связка запасных ключей.

— На три оборота, с обеих сторон, — Артур наконец повернулся. Его глаза бегали, зрачки были неестественно широкими. — Никто не войдет. И никто не выйдет.

— Что случилось?! Почему мы стоим?!

Дверь первого купе распахнулась с резким стуком. На пороге стояла та самая высокая женщина в кроваво-красном пальто, которое она так и не сняла. Без шляпки ее лицо казалось высеченным из бледного мрамора — острые скулы, тонкие губы, сжатые в нитку, и холодные серые глаза, в которых не было ни капли паники. Только брезгливое раздра-

жение.

— Снежный перемет, мадам, — Артур мгновенно попытался нацепить на лицо дежурную улыбку, но получилось жалко, словно судорога свела щеку. — Пути замело. Придется переждать бурю. Вагон отапливается на автономном котле, так что не замерзнем.

— Мне плевать на ваш котел, — отрезала женщина, и ее голос прозвучал чисто, звонко, без единой запинки — точно так, как описывал Элиас. — У меня в девять утра совещание в Озерном. Если я опоздаю, ваша железнодорожная компания пойдет по миру. Зовите начальника поезда.

— Наш вагон прицепной, последний в составе, — тихо ответил проводник, опуская глаза. — Переходной тамбур заклинило еще на прошлой станции, я не смогу пройти к голове состава.

В этот момент открылись и остальные двери. Из второго купе вывалился грузный мужчина с платком — теперь от него пахло не только коньяком, но и кислым, липким страхом. Следом выглянула девушка с рюкзаком, вцепившись пальцами в лямки так, будто собиралась прыгать с парашютом, а из пятого купе вышел высокий, нервный мужчина в дорогом свитере, за спиной которого маячила бледная женщина с заплаканными глазами.

— Что за черт здесь происходит? — прохрипел толстяк, промокая шею тем самым платком с крошечным бурым пятном. — У меня сердце прихватит в этой консервной банке!

Кай обвел всех взглядом. Шесть человек в узком, тускло освещенном пространстве, отрезанном от мира тоннами снега. И за спиной у него, за тонкой деревянной дверью, сидел человек в пластиковом намордник, который смотрел на них всех как на мясо.

— Успокойтесь, — голос Кая прозвучал негромко, но в нем было столько властной, привычной тяжести, что галдеж в коридоре мгновенно стих. — Я врач. Паника сейчас — худшее, что мы можем себе позволить. Вернитесь в свои купе, заприте двери изнутри и…

Он не успел договорить.

Сверху, со стороны вентиляционной решетки в потолке коридора, раздался тихий, влажный звук.

Кап…

Кай машинально поднял голову. Темная, густая капля сорвалась с металлической сетки и упала прямо на вытертую красную ковровую дорожку, в паре сантиметров от лакированного туфля женщины в красном.

За ней упала вторая. Потом третья — тяжелее, оставляя на ворсе темный, расползающийся след.

Запах ударил в ноздри через секунду. Сладковатый, железный, густой запах свежей, еще не остывшей крови, смешанный с резкой вонью аммиака.

Девушка из четвертого купе открыла рот, но вместо крика из ее горла вырвался лишь сдавленный, свистящий хрип. Она медленно подняла дрожащий палец вверх.

Сквозь приоткрытую створку потолочного технического люка над служебным отсеком на них смотрел человеческий глаз — широко распахнутый, остекленевший, застывший в немом, вечном ужасе.

Глава 2

14 ноября, 22:34. Вагон СВ 09, коридор.

Тиканье часов в развороченной груди мертвеца не прекращалось. Оно пробивалось сквозь ватную тишину коридора — тонкое, методичное, почти издевательское. Кай Вэнс стоял неподвижно, чувствуя, как слова Элиаса оседают на коже чем-то липким, что не смыть. Его взгляд медленно прошел по подолу пальто женщины из первого купе — тяжелый кашемир цвета запекшейся крови, безупречный крой. Дама весьма нервно покручивала кольцо, которое было одето на обмотанный пластырем палец.

Вероника Штерн перехватила его взгляд. Ее подбородок остался вздернутым, но пальцы в черных кожаных перчатках сжали ручку саквояжа так, что кожа скрипнула.

— Заткните его, — бросила она, не повышая голоса. — Кто бы там ни сидел, он ненормальный. И если вы, доктор, не приструните своего пса, я сама найду способ заткнуть ему глотку.

— Он прикован к полу стальной цепью толщиной в палец, мадам. — Кай не отводил глаз от ее лица, отмечая, как дергается жилка у виска. — И заперт за дверью, ключ от кото-

рой у меня в кармане. Он физически не мог забраться в вентиляционную шахту, вырезать человеку сердце и вернуться под замок. А вот кто-то из присутствующих — мог.

— Вы смеете обвинять меня? — Ее серые глаза вспыхнули, но в этом огне не было паники. Только ледяная, хорошо отрепетированная ярость. — Меня зовут Вероника Штерн. Один мой звонок утром сотрет в порошок и вас, и вашу богадельню.

— Утром, — тихо хмыкнул мужчина в дорогом свитере из пятого купе. Он стоял, прикрывая собой бледную спутницу, но собственные костяшки побелели, а на правой скуле пульсировала тонкая синяя жилка. — Если мы вообще доживем до утра. Вы видели, что с ним сделали? Это не ограбление. Это работа мясника.

— Закройте двери. — Голос Кая прозвучал негромко, но в нем было столько привычной властной тяжести, что ропот стих. — Все. Немедленно. Артур, принеси простыни из служебного отсека, нужно накрыть тело. И никому не выходить в коридор без стука. Я буду опрашивать каждого по очереди.

— Я никуда не пойду одна! — Девушка с рюкзаком вжалась в стену так, словно пыталась врасти в обшивку. Наушники болтались на шее, одно ухо было вывернуто. — Он в вентиляции! Он ползает над нами! Я слышала шаги над потолком еще до остановки!

Кай резко повернул голову к ней.

— Когда именно?

— Минут десять назад… или пятнадцать… — Она покосилась на него огромными, полными слез глазами. — Я надела наушники, но музыка еще не играла. И прямо над головой что-то тяжело скреблось. Я подумала, это ветки бьют по крыше…

— По крыше в безлесном перегоне? — просипел грузный мужчина со второго купе. Он все еще сидел на полу, привалившись спиной к двери, и судорожно расстегивал воротник рубашки. Его багровое лицо покрылось испариной, взгляд метался от трупа к двери третьего купе. — Нет… нет, это не ветки. Это тот ублюдок за дверью! Вы слышали, что он сказал?! Откуда он знает про всю эту несуразицу, если он сидит взаперти?!

В коридоре снова повисла тяжесть — густая, удушливая, как дым в закрытой комнате. Все взгляды медленно повернулись к двери третьего купе. Кай чувствовал, как ситуация выскальзывает из-под контроля. Паника — плохой советчик, но страх перед сверхъестественным превращает обычных людей в озверевшую толпу за считанные минуты.

— Элиас обладает обостренным слухом и развитой интуицией психопата, — отрезал Кай, доставая связку ключей. — Он слышит то, что вы говорите здесь, за тонкой переборкой, и просто играет на ваших нервах. Артур, накрой тело. Остальные — по купе. Начнем с вас, мадам Штерн. Через пять минут я постучу.

Он не стал дожидаться возражений. Отпер дверь третьего

купе, шагнул внутрь и запер ее за собой. Щелчок замка прозвучал в тишине купе как выстрел.

В полумраке синего ночника Элиас сидел в той же позе — сгорбившись, привалившись спиной к обитой дерматином стене, с вытянутыми вперед ногами. Цепь от его левого запястья тянулась к металлической проушине в полу, натянутая до звона. Когда Кай вошел, заключенный медленно поднял голову.

— Вы пахнете его кровью, доктор, — прошептал Элиас. В голосе больше не было прежней насмешки. Только холодный, сосредоточенный интерес — так смотрят на насекомое, которое еще не решили, придавить или отпустить. — Свежей. Теплой. Она еще не успела свернуться. Значит, у него была первая группа… или вторая? Нет, запах слишком сладкий. Он болел. Сахарный диабет, верно?

Кай замер, не донеся руку до выключателя верхнего света. Он не осматривал карманы убитого — тело еще лежало в коридоре под простыней, которую Артур успел принести. Но на запястье мужчины, электрика из соседнего вагона, он успел заметить тонкий силиконовый браслет с медицинским символом. Диабетик.

— Откуда ты узнал про часы? — Кай подошёл вплотную к столику. Рука скользнула в карман пальто, нащупала холодный стеклянный цилиндр шприц-тюбика.

Элиас издал короткий смешок — сухой, точно кашлянул.

— Часы я услышал. — Он чуть повернул голову, и пла-

стик намордника скрипнул. — Шахта идёт над всем вагоном. Когда он там возился, металл звякнул о кость. Пружина, ручной завод. Такой звук ни с чем не спутаешь. У отца были такие. Он с ними и умер.

— Значит, часы — на слух. Нитка — на глаз. — Кай сел напротив, не вынимая руки из кармана. — А то, что она не испугалась? Что пульс у неё не подскочил?

— Пульс я не слышу, доктор. Это вы мне приписали. — Элиас качнул головой, и в его голосе впервые прорезалось что-то похожее на усталость. — Но я слышал, как она дышала. Ровно. Спокойно. Люди так не дышат над трупом с вырванным сердцем. Они задерживают воздух, сглатывают, начинают дышать ртом. А она — как будто ждала автобус. Я такое уже слышал. Один раз. В приёмном покое, когда санитары привезли человека с оторванной рукой, а рядом сидела его жена. Она тоже дышала ровно. А потом выяснилось, что руку ему отрубила она. Топором. За десять лет до этого она так же ровно дышала, когда топила в ванне свою мать. Я тогда был молодой, глупый. Думал, это шок. А это был опыт.

Кай молчал. Логика в словах маньяка была не безупречной что-то в ней настораживало. Но что?

— Зачем? — спросил он наконец. — Зачем ты мне это рассказываешь? Ты убийца, Элиас. Девять человек. Ты не спасаешь людей.

— Не спасаю, — согласился Элиас, подавшись вперёд до натяжения цепи. — Я просто не люблю, когда на моей терри-

тории работает кто-то ещё. Поймайте его, доктор. Мне интересно посмотреть. А потом я хочу услышать, как он закричит. Обещаю, я узнаю этот звук. Я всегда узнаю.

За дверью в коридоре глухо стукнуло. Потом — сдавленный вскрик и звук падающего тела.

Кай вскочил так резко, что столик опрокинулся. Он рванул дверь и вылетел в коридор.

Толстяк из второго купе лежал на полу, схватившись за горло. Лицо синюшно-багровое, глаза выкатились, изо рта пузырилась розовая пена. Резкий, едкий химический запах перебивал сладковатый душок валерьянки. Сильнодействующий препарат, после которого произошёл мгновенный паралич дыхания на фоне алкоголя.

Артур стоял в двух шагах, прижав ладони ко рту. Смотрел на умирающего с таким ужасом, что в нём не было ни капли притворства.

— Я… я только принёс ему чаю… — выдавил он, отступая к служебному купе. — С валерьянкой. Он сам просил. Сердце, говорит. Я не знал… клянусь, я не знал!

Кай опустился на колени, расстегнул воротник, нащупал сонную артерию. Пальцы скользили по холодному липкому поту. Через десять секунд тело выгнулось дугой, замерло и обмякло.

Второй труп. Меньше чем за двадцать минут.

Кай поднял голову. В конце коридора дверь первого купе была приоткрыта на ширину ладони. В тёмной щели блеснул

серый глаз Вероники Штерн — и дверь бесшумно закрылась.

— Не трогать стакан, — произнёс Кай тихо, но так, что Артур вздрогнул. Он поднялся, разгибая затёкшую спину. — Где ты взял воду? И валерьянку?

— В служебном… — Артур прижался затылком к обшивке, глаза бегали. — Аптечка на полке, открытая. Налил из титана, капнул из пузырька, понёс. Он за дверь держался, задыхался. Выхватил стакан и залпом. Я даже отойти не успел.

— Аптечка открытая, — повторил Кай, шагнув к служебному отсеку. — И дверь твоя была нараспашку, когда поезд встал. Любой мог зайти, пока ты торчал у окна с телефоном.

— Там никого не было! — Артур сорвался на визг. — Я бы заметил! Коридор узкий, мимо меня мышь не проскочит!

— Кроме тех, кто уже был ближе к тамбуру. — Голос прозвучал холодно и ровно.

Дверь первого купе открылась. Вероника Штерн стояла на пороге — уже без пальто, в чёрном шёлковом платье с высоким воротом, подчёркивавшем вытянутую шею. Ни складки, ни капли пота на мраморном лбу.

— Ваша логика хромает, доктор Вэнс, — сказала она, скользнув брезгливым взглядом по синюшному лицу мертвеца. — Служебное купе сразу за тамбуром. Из первого или второго до него не дойти, чтобы не пройти мимо проводника. А вот из четвёртого или пятого — прямая дорога. Без свидетелей.

— Вы на нас намекаете?! — Из пятого купе выскочил вы-

сокий мужчина в свитере. Лицо пошло красными пятнами, кулаки сжались. — Мы с женой с места не сдвигались! Вы сами видели!

— Видела, — холодно усмехнулась Вероника. — Видела, как вы вышли из купе через три минуты после остановки. Чем вы занимались эти три минуты, позвольте спросить? И почему ваша жена выглядит так, словно её сейчас вырвет не от вида трупа, а от собственной вины?

Бледная женщина всхлипнула и закрыла лицо руками, отступая вглубь купе.

— Заткнись, — бросил мужчина в свитере, не оборачиваясь. — Просто заткнись.

Кай шагнул в проход, перекрывая его плечом.

— Ещё одно слово — и я запру вас обоих. В разных купе. — Он смотрел мужчине прямо в глаза, без нажима, без угрозы в голосе. — Снег завалил пути минимум до утра. Либо мы держим себя в руках и выясняем, кто здесь режет людей, либо к шести утра тут не останется никого живого. Выбирайте.

Мужчина ещё секунду буравил его взглядом, потом отступил и захлопнул дверь.

Кай повернулся к девушке из четвёртого купе. Она сидела на полу у своей двери, обхватив колени, и мелко дрожала.

— Как тебя зовут?

— Л-лиза… — Она стучала зубами. — Лиза Морозова. Я студентка, в Озёрный еду, на практику. У меня в рюкзаке только учебники и термос, клянусь.

— Верю. — Кай опустился на одно колено, чтобы оказаться с ней на одном уровне. — Вставай. Зайдёшь в купе, запрёшься на засов. Не открывай никому. Даже если будут стучать и звать. Откроешь только тогда, когда я назову твоё полное имя и дату рождения. Поняла?

Она кивнула, поднялась на ватных ногах и скрылась за дверью. Щёлкнул замок.

Кай выпрямился.

— Артур. Запри служебное купе. Ключи держи при себе, никому не отдавай. Сейчас ты идёшь со мной — осмотрим вещи покойного.

— Я… я туда не пойду один, — прохрипел проводник, глядя на труп у своих ног.

— Ты пойдёшь со мной, — отрезал Кай. — А вы, — он повернулся к Веронике и паре из пятого купе, — по местам. Через десять минут я начну с каждым из вас разговор. И советую приготовить честные ответы. Потому что если не расколетесь вы, это сделает тот, кто сидит за третьей дверью. А его методы вам не понравятся.

Вероника дёрнула уголком губ — не то усмешка, не то судорога — и скрылась в первом купе. Мужчина в свитере ещё секунду смотрел на Кая с ненавистью, потом резко развернулся и захлопнул за собой дверь.

Коридор опустел. Остались Кай, Артур, дрожащий как осиновый лист, и два тела, разделённые пятью метрами вытертого красного ковра.

Кай наклонился над толстяком и прихватил носовым платком портмоне из внутреннего кармана мертвеца и раскрыл. Водительское удостоверение на имя Виктора Громова, сорок восемь лет. Несколько крупных купюр, карты. И сложенный вчетверо лист плотной бумаги с гербовой печатью.

Он развернул документ. Повестка в закрытый суд города Озёрного по делу о халатности, повлекшей гибель пациентов в частном психоневрологическом интернате три года назад. Виктор Громов проходил по делу главным бухгалтером.

Кай медленно поднял голову и посмотрел на дверь третьего купе. Из-за толстого дерева доносился тихий, приглушённый звук — Элиас напевал себе под нос, отбивая ритм цепью по металлической раме полки.

Кай перевёл взгляд на проводника. Артур стоял в дверях второго купе, вцепившись пальцами в косяк так, что ногти побелели. Лицо серое, как пепел.

— Зайди внутрь. Закрой дверь, — тихо приказал Кай.

Проводник вздрогнул от какой то нервозности и противного чувства, но подчинился. Шагнул в тесное купе, прикрыл за собой дверь и привалился к ней спиной, тяжело дыша.

— Ты знал его? — Кай убрал повестку во внутренний карман пиджака и повернулся к кожаной дорожной сумке Громова на нижней полке.

— Н-нет, доктор… Первый раз вижу… — Артур вытер тыльной стороной ладони пот со лба. — Я на этой ветке пол-

года всего. До этого на южных ходил…

Кай не ответил. Надел тонкие латексные перчатки из собственного саквояжа, одним движением расстегнул молнию сумки. Внутри — аккуратно сложенные рубашки, несессер с дорогим одеколоном, пачка наличных, перетянутая резинкой, и толстая синяя папка с завязками.

Он развязал тесёмки и вытянул первый лист. Копия финансового отчёта за прошлый год, испещрённая пометками красным маркером. Ниже — распечатки банковских переводов на офшорные счета. А в самом низу — старая, выцветшая фотография.

На снимке, сделанном на фоне облупленного фасада двухэтажного здания с решётками на окнах, стояли пятеро. В центре — сам Виктор Громов, ещё не такой грузный, с самодовольной ухмылкой. Слева от него — женщина с холодным, властным взглядом и идеально уложенными тёмными волосами. Вероника Штерн. Даже на старом фото она выглядела так, словно владела всем миром.

Кай прищурился. Справа от Громова стоял мужчина в белом халате с усталым, осунувшимся лицом — его подпись, размашистая и нервная, стояла в углу документа о списании препаратов. А чуть позади, в тени крыльца, виднелся силуэт молодого санитара в синей форме. Лицо было наполовину смазано движением, но на правом запястье, прямо под закатанным рукавом, темнела характерная, грубая отметина.

Кай поднял глаза на проводника.

Артур смотрел прямо на фотографию в его руках. Страх и растерянность сходили с его лица медленно, как вода с восковой фигуры, — сначала разгладились морщины у рта, потом перестали бегать глаза, потом исчезла эта унизительная дрожь в пальцах. Только что перед Каем сидел перепуганный старик. Теперь на него смотрел человек, который точно знал, что делает, и просто ждал, когда закончится чужой спектакль.

— Положите снимок на место, доктор.

Голос тоже изменился. Ни хрипоты, ни заикания. Тихо, ровно, глухо.

Кай не двинулся. Только сместил вес на носки и почувствовал под пальцами холодный цилиндр шприц-тюбика в кармане.

— Вы работали в том интернате, — сказал он. — Не полгода на северной ветке. Вы были там санитаром. — Он кивнул на запястье Артура. — И шрам. Элиас? Или кто-то из ваших?

Губы проводника дёрнулись — не усмешка, а гримаса, от которой лицо стало старым и усталым.

— Умный вы человек, доктор Вэнс. Слишком умный для этой дыры. — Он отлепился от двери и сел на нижнюю полку, не сводя глаз с фотографии. — Только вы не знаете и десятой доли того, что там творилось. «Тихая заводь». Штерн — хозяйка. Громов — бухгалтер. Деньги на лекарства уходили в офшоры, а мы… — он пожал плечами, — мы закрывали

двери и молчали. Люди умирали от истощения. От передозировки. От дешёвой дряни, которой нам велели заменять нормальные препараты. Я вам это не потому, что совесть заела. Совесть у меня давно кончилась. Просто вы всё равно бы докопались.

— И ваш напарник? Михаил?

— Миша был ночным сторожем. — Артур опустил взгляд на пол. — Единственный, кто сохранил копии журналов. Собирался отнести прокурору. Завтра утром, сразу после рейса. Громов знал. Штерн знала. Они оба купили билеты в этот вагон не случайно. Ехали договариваться. Или затыкать ему рот. — Он поднял глаза. — Только я его не убивал, доктор. И вентиляцию я полез проверять, потому что слышал скрежет. Когда открыл люк, тело уже лежало в коробе. Я закрыл, спустился. А через две минуты появились вы.

— А яд?

— Аптечка стояла открытой. Я налил воду, капнул из пузырька. — Он помолчал. — Только пузырёк стоял не там, где я его утром оставил. Кто-то переставил его на край полки, пока я в тамбур ходил тормоза проверять.

Кай смотрел на него и не мог понять, где кончается правда и начинается человек, который слишком хорошо научился врать. Может, и не врал. Может, врал во всём. С такими людьми никогда не знаешь наверняка.

За стеной третьего купе грохнуло.

Металл о металл — раз, другой, третий. Цепь била по ра-

ме полки с яростью, от которой дребезжала переборка. А потом сквозь дерево прорвался голос Элиаса — сорванный, хриплый, совсем не тот бархатный шёпот, что был раньше:

— ОНА ВРЁТ! ДОКТОР, ОНА ВРЁТ! У НЕЁ В САКВОЯЖЕ! СМОТРИТЕ В САКВОЯЖ, ПОКА ОНА НЕ НАЧАЛА СНОВА!

Кай вылетел в коридор.

Дверь первого купе была распахнута. Свет горел ярко, поверхнему. Внутри — пусто. На столике лежал раскрытый чёрный кожаный саквояж Вероники Штерн. Пустой, если не считать бархатного футляра для хирургических инструментов. Кай успел увидеть пустые гнёзда — три под скальпели, одно под костные щипцы. И в самом конце коридора, у тяжёлой стальной двери переходного тамбура, которая, по словам Артура, была намертво заклинена, заскрежетал ключ в замке.

Глава 3

14 ноября, 23:11. Вагон СВ 09, коридор.

Скрежет в замке оборвался сухим щелчком. Тяжёлая стальная дверь тамбура приоткрылась на ширину ладони — в щель ворвался ледяной ветер, швырнул в коридор горсть снежной пыли, и дверь тут же захлопнулась, отрезав тусклый свет.

Кай рванулся вперёд, едва не поскользнувшись на ковре, пропитанном кровью электрика. За спиной тяжело затопал Артур, но Кай не оборачивался. Шприц-тюбик уже был в правой руке, колпачок снят большим пальцем.

Он ударил плечом в стальное полотно. Замок не поддался — изнутри щёлкнула задвижка, но следом не раздалось ни стука каблуков по рифлёному железу площадки, ни скрипа соседней двери восьмого вагона. Только глухой вой метели за обшивкой.

— Заперто! — Артур подбежал, схватился за холодную ручку. Лицо снова пошло серыми пятнами, взгляд заметался по карманам кителя. — Не может быть. У неё не было ключа от межвагонного перехода. Он только у меня и у начальника поезда.

— Твой ключ, Артур, — Кай прижался ухом к ледяному металлу, вслушиваясь в пустоту за дверью. — Где твоя связка?

Проводник судорожно хлопнул себя по бокам, полез в карман брюк, вытащил звенящее кольцо. Перебрал ключи дрожащими пальцами. Латунный трёхгранник с выбитой цифрой «9» был на месте. Все ключи были на месте.

Кай отступил от двери. Под рёбрами разливался неприятный, колючий холод. Если Артур не выпускал связку из кармана, значит, дверь открыли дубликатом. Или открыли её не со стороны вагона, а из самого тамбура. Но тамбур заперт снаружи на три оборота.

— Оставь, — оборвал он Артура, разворачиваясь лицом к коридору. — В первом купе пусто. Иди туда, обыщи её вещи. Саквояж на столе, но там ещё чемодан на верхней полке. Ищи бумаги, билеты, лекарства. Ничего не трогай голыми руками, возьми полотенце. Я проверю остальных.

Артур кивнул и почти бегом бросился обратно, стараясь не смотреть на накрытое простынёй тело Михаила и синюшный труп Громова у двери второго купе.

Кай подошёл к третьему купе и приложил ладонь к деревянной двери. Изнутри — ни звука. Ни звона цепи, ни тяжёлого дыхания. Тишина такая плотная, словно купе опустело.

Он быстро отпер замок и шагнул внутрь, готовый к чему угодно.

Элиас сидел на полу, привалившись спиной к радиатору

под окном. Голова запрокинута, глаза закрыты. Сквозь вентиляционные отверстия пластиковой маски на подбородок и серую ткань парки медленно стекала тонкая тёмная струйка крови.

Кай опустился перед ним на колени, прижал пальцы к сонной артерии на худой шее. Пульс был — ровный, сильный. Ничуть не похожий на пульс умирающего.

— Элиас. — Кай не отнимал пальцев от его шеи. — Довольно театра. Что ты увидел?

Веки заключённого медленно поднялись. Бесцветные глаза сфокусировались на лице психиатра.

— Вы не туда смотрите, доктор. — Голос звучал глухо, но без прежней насмешки, без игры. Только усталость и что-то ещё, похожее на злость. — Все смотрят на дверь. На тамбур. На ключи. А она уже вернулась.

— Вернулась откуда? — Кай поднялся, не сводя с него глаз.

— Из тамбура она не выходила. — Элиас чуть повернул голову, и пластик маски скрипнул. — Я слышал, как открылась дверь. Потом — как закрылась. Но шагов по железу не было. Совсем. Она открыла, постояла в проёме и зашла обратно. В вагон. Пока вы ломились в запертую дверь, она прошла мимо вас. В двух шагах. Может, в одном. Вы смотрели на замок, доктор. А она смотрела на вас.

Кай медленно выпрямился. В коридоре было тихо. Слишком тихо. Из первого купе не доносилось ни звука — ни ша-

гов Артура, ни скрипа полок, ни звона перебираемых вещей. Только метель за окном и где-то далеко, в конце вагона, — едва слышный, ритмичный стук. Так стучит каблук по ковру, когда человек стоит на месте и ждёт.

— Она не могла пройти мимо меня, — сказал Кай, но в голосе не было уверенности. — Я стоял вплотную к двери.

— Вы стояли к ней спиной, доктор. — Элиас прикрыл глаза. — А она умеет ходить тихо. Я слышал, как она дышит. Она стояла за вами, пока вы слушали пустоту. А потом ушла. В первое купе. К Артуру.

Кай вылетел в коридор. Дверь первого купе была приоткрыта — ровно на ширину ладони, как и раньше. Внутри горел верхний свет. На столике — раскрытый чёрный саквояж. Бархатный футляр с пустыми гнёздами. И Артур. Проводник стоял спиной к двери, лицом к верхней полке, и его руки, поднятые к чемодану, замерли в воздухе. Он не двигался. Даже не дышал, кажется.

Кай шагнул внутрь.

— Артур.

Проводник медленно повернул голову. Лицо у него было странное — не испуганное, не серое. Пустое. Как у человека, который только что понял что-то важное и ещё не решил, как к этому относиться.

— Доктор. — Голос ровный. — Я нашёл. В чемодане. Под бельём. — Он кивнул на пол. У его ног лежала тонкая пачка бумаг, перетянутая аптечной резинкой. — Это копии журна-

лов. Те самые. Мишины. Она привезла их с собой. Не для того, чтобы уничтожить. Чтобы использовать. Шантаж, доктор. Она ехала не затыкать ему рот. Она ехала торговаться. А когда он отказался — или когда поняла, что не сторгуется, — она сделала всё сама.

— Где она?

Артур поднял руку и указал пальцем в коридор. Не в сторону тамбура. Не в сторону выхода. В сторону третьего купе.

Кай не отпустил ворот, но хватка ослабла. Взгляд скользил по купе: окно заперто наглухо, вентиляционная решётка закручена на все четыре винта, сплошная деревянная переборка между пятым и шестым отсеком. Шестой, по словам Артура, нерабочий, заперт ещё в депо.

— Не ври мне, — тихо сказал Кай, наклоняясь так близко, что чувствовал кислый запах чужого страха. — Люди не проходят сквозь стены. Кто она? И куда ты её дел?

— Я не вру! — Мужчина вцепился в его запястье, как утопающий в бревно. — Она не моя жена. Мы познакомились за полчаса до отправления, в буфете на вокзале. Я заплатил ей, чтобы она проехала со мной до Озёрного и притворилась супругой. Мне нужно было алиби. У меня налоговая проверка, я не мог светиться один на этом рейсе.

Кай разжал пальцы, оттолкнул его на сиденье.

— Как её звали?

— К-клара. Она назвалась Кларой. Тёмные волосы, шрам над левой бровью. Пахла дешёвыми мятными леденцами. —

Мужчину передернуло. — Когда упал этот чёртов труп в коридоре, она забилась в угол и завыла. Я уложил её на полку, накрыл одеялом, сел у двери спиной к замку. Я не отходил ни на шаг, доктор. Я закрыл глаза буквально на минуту, когда голова раскалывалась. А когда вы постучали — под одеялом уже лежали эти чёртовы подушки.

Кай опустил взгляд на пол. Под столиком, у самой стены, темнел узкий зазор технической ниши — там проходили трубы отопления. Слишком узкий, чтобы туда пролез взрослый человек.

Тогда как?

Он перевёл взгляд на переборку между пятым и шестым купе. В старых вагонах СВ между смежными купе иногда делали внутреннюю дверь — для семейных пар или охраны, чтобы можно было переходить из отсека в отсек, не выходя в коридор. Обычно такие двери наглухо зашивали пластиком при капремонте или запирали на спецключ.

Кай подошёл к стене у нижней полки, провёл ладонью по гладкой ламинированной панели. На уровне пояса, скрытый за спинкой дивана, пальцы нащупали едва заметную вертикальную щель, заклеенную полоской коричневой изоленты в цвет обшивки. Он дёрнул спинку на себя — крепления поддались с сухим треском. За обивкой обнаружилась узкая дверь без ручки, только с крошечной замочной скважиной под трёхгранный железнодорожный ключ.

— Вот твой призрак, — глухо произнёс Кай.

И в этот момент со стороны коридора, сквозь толстую деревянную дверь, донёсся тонкий, протяжный металлический скрип — словно кто-то медленно проводил остриём скальпеля по латунному поручню у окна.

А следом зазвучал голос. Не Элиаса. И не Артура.

Женский. Низкий, хрипловатый, с ледяной издевательской интонацией:

— Доктор Вэнс… Вы так увлеклись поисками пропавшей овечки, что совсем забыли про своего волка. Третье купе открыто, доктор. А ваш зверь очень голоден…

Кай похолодел. Рванул дверь пятого купе на себя, вылетел в коридор — и не успел сделать двух шагов.

Из глубины полутёмного прохода, от двери третьего купе, навстречу ему шагнула тень. Дверь третьего отсека была распахнута настежь. На пороге стоял Элиас. Стальная цепь, которой он был прикован к полу, волочилась за его левым запястьем, звеня по ковру.

Но не это заставило Кая остановиться.

Цепь была цела. Ни перекушена, ни перепилена. Она тянулась от запястья Элиаса назад, в глубину купе, и уходила в пол — в ту самую проушину. Только вот сама проушина больше не держалась в полу. Её вывернули вместе с куском дерева и металла, оставив в ковре рваную дыру. Элиас держал в правой руке скальпель, а в левой — тот самый вывернутый стальной крюк с обломком крепления. Он не сбежал. Он вырвал себя из пола.

За его спиной, в глубине купе, на нижней полке сидела женщина. Тёмные волосы, шрам над левой бровью. Клара. Она смотрела на Кая спокойно, без страха, и в её руке был зажат трёхгранный железнодорожный ключ.

— Он не голоден, доктор, — сказала она. — Мы просто поговорили. И он согласился, что убивать меня ему не интересно. А вот вас — вполне.

Элиас сделал ещё один шаг вперёд. Цепь волочилась следом, звенела. Скальпель в его руке блестел ровно, без дрожи.

— Она открыла мою дверь, — сказал он. — За десять минут до того, как вы нашли подушки. Спросила, хочу ли я выйти. Я сказал — хочу. Она сказала — тогда сиди тихо и жди. И я ждал. — Он чуть повернул голову к Кларе. — Она умная женщина, доктор. Не то что вы. Вы всё искали призрака в стене, пока настоящий призрак сидел у вас под носом.

Кай не двигался. Шприц-тюбик был пуст — он истратил его на Элиаса в прошлый раз, а новый остался в саквояже, в первом купе, за спиной у Вероники. В голове билась одна мысль: Клара. Не жена бизнесмена. Не жертва. Она знала про потайную дверь. У неё был ключ. Она сидела в пятом купе и ждала.

— Кто вы? — спросил он, не сводя глаз с Элиаса.

Клара поднялась с полки. Ключ она не убрала — держала его на виду, как маленькое оружие.

— Я работала в «Тихой заводи», доктор. Санитаркой. Как и Артур. Как и Михаил. — Она улыбнулась, и улыбка была

не злая, а усталая. — Только я не молчала. Я собирала журналы. Копии. Отдавала их Мише. А когда поняла, что Штерн и Громов сели в этот поезд, — села следом. Миша должен был передать бумаги прокурору. Но Миша мёртв. И теперь бумаги у меня.

Она кивнула на дверь пятого купе.

— В моей сумке. Под шарфом. Можете забрать. Мне они больше не нужны. — Она посмотрела на Элиаса. — Я сделала то, зачем ехала. Остальное — не моё дело.

Элиас шагнул в сторону, освобождая ей проход. Клара прошла мимо Кая, не глядя на него, и скрылась в пятом купе. Через секунду оттуда донёсся шорох ткани, стук чемодана, и всё стихло.

Кай остался стоять в коридоре, между Элиасом со скальпелем и дверью, за которой только что исчезла женщина, которая знала больше, чем говорила.

— Ну что, доктор, — тихо сказал Элиас, поигрывая цепью. — Поговорим?

Глава 4

14 ноября, 23:31. Вагон СВ 09.

Кай не стал поворачиваться спиной к вооружённому убийце. Он лишь скосил глаза влево, не выпуская Элиаса из поля зрения.

В узком пространстве вагонного коридора негде было размахнуться. Элиас и не нуждался в размахе. Он двигался с той кошачьей плавностью, какая бывает у людей, привыкших убивать в тесных, тёмных комнатах, где решают доли секунды и точность удара.

Серебристое лезвие сверкнуло в тусклом жёлтом свете, нацеленное точно в сонную артерию. Кай успел отклонить корпус назад, вжимаясь спиной в косяк пятого купе. Сталь прошла в миллиметре от горла, вспорола воротник пальто, оставила на коже тонкую жгучую царапину.

Кай перехватил правое запястье заключённого левой рукой, выворачивая сустав наружу, а правой ударил в солнечное сплетение. Мышцы под серой паркой оказались твёрдыми, как скрученные стальные тросы. Элиас глухо выдохнул, не выпустив скальпель, и рванул левой рукой на себя. Обрубленный конец тяжёлой цепи со свистом рассёк воздух и

хлестнул Кая по плечу — выбил дух, швырнул на деревянную переборку.

— Хорошая реакция, доктор, — прошептал Элиас. Не напал снова. Отступил на полшага, склонил голову набок. Его бесцветные глаза светились холодным, почти детским любопытством. — Вы не просто бумажный червь из клиники. Кто же вы на самом деле, Кай Вэнс?

Кай выпрямился, прижимая ладонь к ноющему плечу, не спуская глаз с лезвия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.